

Хронотоп первой сцены «Мертвых душ» Н.В. Гоголя

Куркин Б.А.

Тамбовский государственный технический университет (ФГБОУ ВО ТГТУ), г. Тамбов,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8670-2967> , e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru

Мурашкина О.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

В статье анализируются вопросы пространства-времени (хронотопа) первой сцены поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». В основе исследования лежат методы философской герменевтики и феноменологии.

Ключевые слова: Хронотоп, понимание, интерпретация.

Для цитаты: Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Хронотоп первой сцены «Мертвых душ» Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 16–29. DOI:10.17759/langt.2020070402

Chronotope of the First Scene of "Mertvykh dush" N.V. Gogol

Boris A. Kurkin

Tambov State Technical University (TSTU), Tambov, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8670-2967> , e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru

Olga V. Murashkina

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

The article is dedicated to analysis of the time- space (chronotope) of the opening scene of N.W. Gogol's poem «Dead Souls». The Authors a using methods of philosophical hermeneutics and phenomenology in their research.

Keywords: chronotope, understanding, interpretation.

For citation: Kurkin B.A., Murashkina O.V. Chronotope of the First Scene of "Mertvykh dush" N.V. Gogol. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2020. Vol. 7, no. 4, pp. 16–29. DOI:10.17759/langt.20200700402 (In Russ.).

Подчас автор говорит в своем произведении больше, чем задумывает сказать. Если он

творит нечто идущее в русле «мировой гармонии», то вольно и/или невольно встраивается в некий идущий свыше информационный поток, в результате чего отображает и передает больше, чем известно его разуму. Он становится своего рода «ретранслятором» того, что глаголят ему некие неподвластные ему, но ведущие его силы. Этот феномен отражен Пушкиным в его «Пророке»:

И Бога глас ко мне воззвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей...» [22;150]

О том же писал и А.К. Толстой:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!

Вечно носились они над землёю, незримые оку. [26;328]

Как о херувиме, занесшим «нам, чадам праха» несколько «песен райских», говорит о Моцарте пушкинский Сальери. [23;328]

«Импровизатор чувствовал приближение бога...», - скажет Пушкин в «Египетских ночах». [24,284] «Всякий талант неизъясним», - констатирует импровизатор. [24,278] И далеко не случайно в оригинальном пушкинском тексте он обозначен со строчной, а не с заглавной литеры.

А в пространство написанного вступает читатель со своим багажом знаний, наблюдений, верований, что порождает многозначность написанного, его многоосмысленность. И открываются новые неожиданные темы, и рождаются новые, и столь же неожиданные, приводящие порой в оторопь, мысли¹.

В свое время французский феноменолог М. Мерло-Понти ввел в философский оборот категорию «опыта мира», который, подобно кантовской трансцендентальной апперцепции, лежит в основе всего человеческого познания. Этот «опыт мира» как опыт, переживаемый субъектом, первичен по отношению к какому бы то ни было знанию, включая и научное. А посему освоение литературного текста будет являть собой сложнейшее взаимодействие субъекта, наделенного своими знаниями и опытом с текстом художественного произведения, в силу чего хронотоп последнего может расширяться или сужаться.

Может статься, мы просто воображаем себе то, о чем автор и не помышлял и обжигаемся огнем собственного вымысла. Но на то он и гений, чтобы погружать нас в пространство мыслей и чувств, от которых порою захватывает дух. И как говорил сам Гоголь, «Всякий человек, кто жил и видел свет и встречался с людьми, заметил что-нибудь такое, чего другой не заметил, и узнал что-нибудь такое, чего другие не знают». [8;6]

Не то же ли самое происходит, когда мы читаем эти милые, знакомые с детства строки?

«... В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в

Так, например, И. Золотусский взял да и объявил капитана Копейкина «комическим персонажем». См.: Золотусский И. Гоголь. М.: Молодая гвардия». Серия ЖЗЛ. Седьмое издание. 2009. С. 232

нем. «Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился». [8;9]

При всем своем невероятном воображении мистик и идеалист Гоголь едва ли мог предугадать, как отзовется в современной ему и позднейшей критике первая сцена его «Мертвых душ». Особенно «повезло» двум русским мужикам, обсуждающим вопрос, «доедет колесо или не доедет»: большинство отечественных филологов узрели в них и до сих пор зрят символ безысходности и тупости русской жизни, а в идеалисте и мистике Гоголе - реалиста².

В отечественном литературоведении эта сцена традиционно рассматривается в двух аспектах: в плане обсуждения вопроса, какой смысл несет в себе гоголевское выражение «два русские мужика» [1], [4], [5], [7], [10], [13], [14], [20], [21], [25], [28] и в «обличительном» плане. При этом у каждой из указанных тем есть своя довольно обширная библиография.

Находились и те, кто видел в первой сцене поэмы и «Мертвых душах» в целом клевету на Россию. Так, граф Ф. Толстой-Американец (тот, что «ночной разбойник, дуэлист, в Камчатку сослан был, вернулся алеутом») открыто называл Гоголя врагом России и говорил, «что его следует в кандалах отправить в Сибирь» [1;38].

Как о «сборище уродов» говорил о гоголевских героях еще С. Аксаков [1;46], рассматривавший поэму в качестве неадекватного взгляда на Россию. В конце века, но уже не как о гиперболе, но как о «факте» напишет И. Анненский: «Что это в сущности за страна? Есть ли в ней хоть какая-нибудь вера, обрывок исторических воспоминаний, обычай, живет ли в ее глубине какой-нибудь, хотя смутный идеальный запрос? <...> И неужто же Митяи и Миняи действительно только тем и отличаются от бессловесных, что время от времени напиваются до бесчувствия?» [3;224].

В советские времена тема «обличительства» была подхвачена и развита В. Гиппиусом: «Вряд ли кто-нибудь станет вслед за Шевыревым умиляться человечности Селифана, а вонючий Петрушка и идиоты Митяй и Миняй вместе с двумя “русскими мужиками” первой главы дополняют впечатление». [7;116]. И далее: «Художественные приемы Гоголя превращают изображенный им мир существователей в действительное “сборище уродов”» [7;123].

Еще резче, нежели Гиппиус, высказывался по сему поводу Г. Гуковский: «Уже на первой странице перед нами появляются “два русские мужика, стоящие у дверей кабака”; они ведут в высшей степени комически-нелепый пьяный разговор насчет крепости колеса чичиковской брички. Так и звучит в этом разговоре беспросветная тоска “идиотизма деревенской жизни”»

² «Непонятно, какой надо иметь склад ума, чтобы увидеть в Гоголе предшественника “натуральной школы” и реалистического живописания русской жизни», - говорил по этому поводу В. Набоков [20;58], видевший в «Мертвых душах» «гигантскую эпическую поэму» [20;46]. «Искать в “Мертвых душах” подлинную русскую действительность так же бесполезно, как и представлять себе Данию на основе частного происшествия в туманном Эльсиноре» [20;45].

[10;499].

«“Идиотизмом деревенской жизни”, - продолжает Гуковский, - веет и от объяснения мужика, “бывшего поумнее”, насчет Маниловки и Заманиловки, и от великолепной по крыловскому комизму жанровой сценки в начале пятой главы, в том месте, где целая толпа крестьян никак не может сдвинуть с места столкнувшиеся экипажи Чичикова и губернаторской дочери». [10;500].

Насчет «идиотизма деревенской жизни» - это уже не к Гоголю, а к Марксу с Энгельсом [15;428]. И впору, перефразируя Коробочку, спросить: «Почем ходят призраки?» Но, право же, идиотизм как «способ существования белковых тел» неспособен породить «живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман» и мастеров, которым «если, по-настоящему, только на одного государя и работать» да и самой птицы-тройки.

Чуть снисходительнее к двум русским мужикам был И. Серман: «... разговор “двух мужиков”, которым открывается поэма - все-таки разговор. Эти мужики, скорее всего оброчные, знают и Казань, и Москву, судят и рядят о колесе с почти профессиональным интересом» [25;117].

«Все-таки разговор».

«Тоже люди». [27;196]. Именно эти слова героя «Войны и мира» приходят на ум по прочтении пассажа Сермана. Однако далее следует существенная оговорка: «Только в одном случае слова и действия мужика целенаправленны, обдуманно и осмысленны - когда мужик стремится в кабак, который единственное доступное ему средство забвения» [25;118].

Взгляд на диалог двух мужиков («доедет колесо или не доедет») как на бессмысленный стал в отечественном литературоведении традиционным. Актуален он и поныне. Как о тупом и бессодержательном говорят о нем О.П. Монахова и М.В. Малхазова. Черты алогизма в образе города, утверждают авторы, доведены до предела: с них и начинается повествование [18].

Куда пронзительнее был в этом отношении А. Белый, писавший о колесе, исследуя особенности гоголевского сюжета: «Два мужика рассуждают о колесе чичиковского экипажа: доедет или не доедет? Никакого видимого касанья к сюжету: пустяк оформления, которого не запомнить читателю; через шесть или семь глав: выскочило таки *то самое колесо*, и в минуту решительную: Чичиков бежит из города, а оно, колесо, отказывается везти: *не доедет!* Чичиков — в страхе: его захватят с поличным; колесо — не пустяк, а колесо *Фортуны*» [4;43] И далее: «Ничто не сказано; кажется ж: *что-то* сказано» [4;82].

Сказано, даже на первый взгляд, многое. Об этом же писал уже в наши дни В. Кожин, которого «как-то изумило замечание известного нынешнего критика, что-де открывающий поэму разговор двух мужиков “бессмыслен”». < > А ведь «два русских мужика напорочили, что не достигнет Чичиков конечной своей цели...» [11;172]

Однако для того, чтобы прийти к такому выводу всего-то и требовалось, как соотнести завязку поэмы с ее финалом. Таким образом, смысл и значение первой сцены можно постичь лишь по прочтении поэмы, когда читатель узнает, кто и что есть Чичиков.

Обозначил свою позицию по обоим аспектам обсуждения сцены и В. Набоков. Выражение «два русские мужика» он, не мудрствуя лукаво, обозначил, как «*типично гоголевский плеоназм*» [20;50]. *Что же касается разговора у дверей кабака, то писатель охарактеризовал его в качестве чисто умозрительного. «Это раздумья типа “быть или не*

быть” — на примитивном уровне. *Беседующие не знают, едет ли бричка в Москву < >. Мужики не заинтересованы в точном маршруте брички; их занимает лишь отвлеченная проблема воображаемой поломки колеса в условиях воображаемых расстояний, и эта проблема поднимается до уровня высочайшей абстракции, оттого что им неизвестно — а главное, безразлично — расстояние от NN (воображаемой точки) до Москвы, Казани или Тимбукту. Они олицетворяют поразительную творческую способность русских, так прекрасно подтверждаемую вдохновением Гоголя, действовать в пустоте. Фантазия бесценна лишь тогда, когда она бесцельна. Размышления двух мужиков не основаны ни на чем осязаемом и не приводят ни к каким осязаемым результатам; но так рождаются философия и поэзия» [20,50]. Набоков был, пожалуй, единственным, кто увидел в этой сцене открывающийся читателю космос³. В этом отрывке и восхищение мастерством Гоголя, перо которого рождает вечные образы буквально из воздуха, и глубокий философский смысл сцены.*

Мы же рассмотрим ее как зримую встречу бытия и небытия, или вторжение небытия в бытие.⁴

У первой сцены «Мертвых душ» много слоев. Будем осторожно снимать их один за другим.

На первый взгляд, она подчеркивает, что въезд Чичикова в город был незаметен «для мира». Но сказать, что он был просто незаметен, было бы не по-гоголевски, и присутствие мужиков у кабака прекрасная деталь. Равно как и фигура молодого человека в белых канифасовых панталонах, оглянувшегося на Чичикова и пошедшего дальше своей дорогой⁵.

Первая сцена вроде бы чисто житейское наблюдение, почти анекдот, задающий камертон неспешно развивающемуся, но постепенно набирающему обороты действию-повествованию. Два мужика стоят у двери кабака и вяло переговариваются на совершенно абстрактную тему колеса.

Не сцена, а сплошное очарование, которое не в состоянии передать даже лучшие

³ Как об «эпическом созерцании», сравнимым с гомеровским, писал о «Мертвых душах» К.С. Аксаков: «Эпическое созерцание Гоголя - древнее, истинное, то же, какое и у Гомера; и только у одного Гоголя видим мы это созерцание, только он обладает им, только с Гоголем, у него, из-под его творческой руки восстает, наконец, древний, истинный эпос, надолго оставивший мир, - самобытный, полный вечно свежей, спокойной жизни, без всякого излишества. Чудное, чудное явление!» [2;5]

⁴ Такое вторжение становится возможным тогда, когда в человеческом бытии намечаются серьезные изъяны. Показательно, что принимая с перепугу Чичикова за Наполеона-антихриста, чиновники города NN тотчас же и со страхом вспоминают все свои грехи.

⁵ Точно так же иллюстрирует ставший роковым для Чичикова ночной въезд в город NN Коробочки. Безлюдность обстановки подчеркивает сонный будочник, казнивший при свете фонаря на своем ногте «зверя» и заснувший тотчас же «по уставам своего рыцарства».

переводы.

Здесь присутствует нечто большее - некая гоголевская, скажем больше - русская тайна.

Глубоко прав был В. Кожин, утверждавший, что «“Мертвые души” – наименее понятая, наименее освоенная отечественной мыслью из всех великих книг русской литературы» [11;160].

Порой для того, чтобы понять ситуацию в ее полноте, приходится начинать издалека и исследовать совершенно неожиданные темы. В нашем случае для того, чтобы больше узнать о первом мужике приходится отвечать, например, на такой вопрос: «Где находится город NN?» Разумеется, мы будем держать в уме и другую тему, которой озаботился в свое время И. Анненский: «Где, собственно, происходит действие “Мертвых душ”? Из какой полосы России взяты Коробочки, Митяи и Миняи? Какая среда, украинская или великорусская, выпустила Чичикова?» [3;223]. И далее: «А в “Мертвых душах” в какие годы происходит действие?» [3;224]

Таким образом, критик поднимал тему не в узко социологическом, но философском плане.

Будем помнить и слова А.Н. Веселовского о том, что родной страной для Гоголя «была не только многострадальная Русь николаевских времен, но и мир ее грез» [6;592].

Ответ на вопрос, в какой географической точке России происходит действие «Мертвых душ», дает Л.Г. Мощенская, весьма обоснованно утверждающая, что город NN, исходя из гоголевского текста, есть Тверь. Далее она подсчитала, какова была приблизительная величина пробега чичиковской брички по губернии и городу до поломки ее колеса и установила, что *пробег* чичиковской тройки составил не менее ста семидесяти верст. Если учесть, что от Твери до Москвы – 168 верст, а от Твери до Казани – 995, то получается, что до Москвы бы колесо доехало, а до Казани – нет [19;114]. Полученный результат говорит о высоком профессионализме первого мужика, особенно если учесть, что ходовая часть рессорной брички представляет собой относительно сложную конструкцию. Ну и где здесь «пьяный тупой разговор»? Это беседуют два профи, способные с первого же, причем, хмельного взгляда на изделие, определить его рабочий ресурс. Одним словом, мужик оказался куда большим профессионалом, нежели многие из тех, кто о нем писал.

Тем не менее, сама Мощенская, ссылаясь на Ю. Манна, подчеркивает, что с самого начала Гоголь хотел избежать какой-либо привязки этих событий к реальным фактам [19;112]. И все это имеет принципиальный смысл, поскольку «попытки более или менее точно локализовать действие поэмы противоречат ее поэтике» [14;448].

И все же Гоголь, пусть и неявно, привязывал действие «Мертвых душ» к конкретной местности. Точно так же, как явствует из текста комедии, он обозначил место действия «Ревизора» в городе Петровске Саратовской губернии, хотя, разумеется, речь в пьесе идет о некоем городе-символе [12;34], а не о конкретном уездном городке. Если бы такой привязки не было, оставалось бы предположить, что все детали деловых поездок Чичикова и описания природы созданы лишь для того, чтобы подчеркнуть глубокий профессионализм первого мужика! Но такая изоциренность, на наш взгляд, была бы поразительной даже для Гоголя.

Возвращаясь к двум гоголевским мужикам, спросим себя и их хулителей: «Так в чем же неоднократно поминаемый в литературоведении “идиотизм ситуации”? Причем тут бессмыслие и тупость жизни?»

Да, мужики выходят из кабака: при входе в заведение русский человек не задерживается и уж тем более не отвлекается на мимолетные обстоятельства времени, места и образа действия, не предаётся созерцанию. По выходе из него – сколько угодно.

Будем держать в уме, что в отличие от трактира, где можно отобедать и отужинать, кабак – особое отдаваемое государством на откуп узкопрофильное питейное заведение, где не столько пьют, сколько пропивают. Однако трезвость экспертной оценки первого мужика позволяет делать вывод, что мужики были просто под хмельком.

Обратим внимание и на то, что Гоголь говорит, что это были именно *мужики*, сиречь крестьяне. Вернее всего, крепостные какого-то из окрестных помещиков (того же Манилова, например), поскольку число вольных хлебопашцев в александровскую эпоху – а именно в это время происходит действие «Мертвых душ» – было невелико.⁶ Но тут же возникает другой, философский вопрос, задававшийся Анненским: «В какие годы происходит действие? Что это в сущности за страна?» [3;224]

То, что это были именно мужики, крайне важно для нас как читателей. И вот, почему: мужик как никто другой занят живым и богоугодным делом, без которого невозможна земная жизнь.

Приехавший же в город Чичиков живет мертвечиной. Его занятие – спекуляция призрачным и несуществующим – виртуальными предметами. Более того, это спекуляция «мертвыми душами», т.е. именами этих самих мужиков. Показательно, что Чичиков останавливается в гостинице, расположенной напротив кабака. Иными словами, Гоголь символически и одновременно зримо противопоставляет бытийное начало – мужика – началу небытийному – Чичикову. Таким образом, диалог двух мужиков исполнен философического смысла. Это отмечал в свое время и Анненский: «Даже колесо, которое до Москвы доедет, а до Казани не доедет, — писал он, — стали бессмертны, как самые совершенные из типов Гоголя: такую яркую жизненность умел разливать Гоголь на все, до чего ни касался он своим магическим пером» [3;219].

Вернемся к гоголевским мужикам и посмотрим на них еще раз с учетом уже полученного нами знания и снимем еще один смысловой слой.

Вот губернский город NN, маленький, сонный. Вечереет. Подул ветер (молодой человек еле удерживает на голове картуз). Уж не Чичиков ли привез с собой враждебные миру вихри? Два вышедших из заведения мужика лишь подчеркивают обыденность или даже унылость происходящего.

⁶ То, что действие по всем изображенным Гоголем деталям, происходит во времена правления Александра I, выясняется из текста поэмы: бодр и энергичен полицмейстер, воочию видевший Наполеона, умершего в 1821 г., проносятся слухи о бегстве узурпатора-антихриста с о. Св. Елены, партизанит капитан Копейкин. Последнее не могло продолжаться долго. Впрочем, время действия у Гоголя тоже, как и место действия условны. Такова присущая «Мертвым душам» двойная оптика Гоголя: пространство и время в «Мертвых душах» условны и призрачны.

На душе у них тихо и спокойно, в теле истома.

А вот и колесо. Сейчас оценим качество «изделия».

О чем говорить двум подвыпившим мужикам, слушающим музыку Вселенной? О первом, что попало на глаза; колесо в мужицком хозяйстве вещь незаменимая. О барах – неинтересно. Что они, бар средней руки не выдывали? Перебросились парой реплик и умолкли.

Спокойствие. Дремота. Умиротворение.

Это гоголевский «глубокопроникающий и всевидящий эпический взор, то же всеобъемлющее эпическое созерцание», о котором говорил К. Аксаков [2;4].

Немотствуют мужики. А о чем им *говорить*? О чем *философствовать*?

Что такое философия? Она есть *вопрошание*.

О чем вопрошать, ежели все нужное для жизни тебе уже открыто в Евангелии?

О начале и конце Мироздания? Это занятие мужики оставляют барам. Помнится, вольнодумец Ляпкин-Тяпкин, прочитавший пять или шесть книг, «от ветра головы своя» дофилософствовался до того, что у твердого в вере городничего волосы на голове вставляли дыбом: судя по всему, до ереси. А ересь есть пагуба души. Но и то: «Вольному – воля, спасенному – рай».

Посему русская философия есть – молчание. Вот и молчат гоголевские мужики. Рассматривают острым взглядом колесо и пророчат: «Далеко не уедет». **«И мимо идох, и се не бе» (Пс. 36:36).**

Встанем на место мужика и спросим себя: «Что ты можешь познать еще, кроме того, как исхитриться в познании грубой материи исключительно для того, чтобы смастерить новую бричку, колесо которой доезжало бы дальше прежнего?» И даже не в познании, а в ориентации в мире грубой материи, сводящейся к умению найти тот заветный краник, повернув который, остается лишь немного подождать, чтобы из него полилась потребная для субъекта материя, которая будет пущена на всепобеждающее дело достижения комфорта.

Так что же ты в таком случае «познаешь»? «Я знаю, что ничего не знаю и не узнаю»?

Вот и весь «прогресс»: он весь сводится к качеству новой брички. Это теперь ее делают такой, чтобы она вскорости ломалась до основанья, а затем... а затем покупалась новая.

Так убивается живой мир, а живой Космос превращается в мертвое пространство с его расчисленными светилами. Выпотрошить его, съесть под соусом, пользуясь ножом и вилкой, обглодать и обсосать его кости и выкинуть на помойку! Вот и весь «прогресс»! Это ли не торжество идей Гуманизма и Просвещения?

Вспомним, что говорил о просвещении незабвенный Михаил Семенович Собакевич, а как бы и не сам Николай Васильевич Гоголь? «Толкуют — просвещение, просвещение, а это просвещение — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично».

«Просвещение – фук». А что такое «фук»? Это дуновение. Обозначилось нечто, подули на него и не стало его, будто и не было вовсе.

В наши дни вполне мог случиться и такой диалог: «Вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Валгаллу или не доедет?» — «Доедет». «А в Эдем-то, я думаю, не доедет?» — «В Эдем не доедет».

Тоже прогресс.

Мужик живет в циклическом времени и западное «познание» ему не то, чтобы совсем не нужно (добротная вещь всегда в хозяйстве пригодится), но он устроен так, что подобное «познание» ему глубоко чуждо, ибо строй его мыслей и чувств совсем иной.

Чичиков же живет в линейном времени, стремящемся из вечности в НИКУДА, точнее, к своему концу.

Мужик живет в вечности, *пребывает* в ней, ибо занят вечным и богоугодным делом - трудом. Чичиков – *существует* во времени, и сфера его деятельности – виртуальная действительность (аферы с мертвыми душами). Тем самым, мужик вечен и бесконечен, Чичиков – мимолетен и преходящ.

За мужиком стоит ПРАВДА, за Чичиковым – ложь. Он и сам является сыном лжи, и потому у него множества личин, но нет лица. Лицо старательно прячется. Как справедливо отмечает А. Михайлов, «...помещики первого тома поэмы – это характеры, а он (Чичиков – Авт.) по сравнению с ними не характер, а скорее играющее в характер существо без личных черт» [15;102].

Таким же изображен в «Борисе Годунове Самозванец. Чичиков тоже – самозванец, лжец и потому априори связан с inferнальным миром.

Мужик – бытиен, Чичиков - небытиен. Он лишен бытийности, ибо по природе своей есть воплощение и проявление нечистой силы и, следственно, чистой негативности. Чичиков – есть НИЧТО. «Вечная пошлость», по словам Мережковского [16;179].

Мужик вечен, как земля, будь то Микула Селянинович или Кола Брюньон. Мужикам все эти чичиковы не интересны. Все господа для мужика на одно лицо и измеряемы общим аршином.

А теперь снимем еще один слой и зададимся вопросом: не есть ли гоголевское колесо некий символ?

Вопрос о значении образа колеса в поэме рассматривал А. Белый, которого Набоков называл «гением въедливости» [20;50]. Правда, исследовал он его в весьма специфическом плане. *Андрей Белый, этот гений въедливости, усмотрел, что вся первая часть “Мертвых душ” — замкнутый круг, который вращается на оси так стремительно, что не видно спиц; при каждом повороте сюжета вокруг персоны Чичикова возникает образ колеса* [20;50].

«Гладким кругом» влетев, вылетело из города колесо, фигура фикции; ширясь, став пространством России, исчезло оно: до второго тома; фабула первого — замкнутый, на оси вертящийся круг, стирающий спицы» [4;102].

«Все пошло, как кривое колесо», напоминает читателю Белый.

В этой связи будет уместно рассмотреть вопрос о том, какова символика колеса. Это символ мира, символ движущей силы космоса как живого и организованного внутри себя существа, символ слуг Бога, символами жизни вечной, как например колесо видений пророков Иезекииля и Даниила. Так, пророк Иезекииль узрел в своем видении исполненные очей колеса, которые движут престол Божий. [Иез.1]. Пылающие колеса вокруг головы Бога появляются и в Книге Даниила. «Престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь. Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его – как чистая волна; престол Его – как пламя огня, колеса Его – пылающий огонь» [Дан. 7, 9].

Но если мужик пребывает в циклическом времени, в вечном круговороте Бытия, то

Колесо становится и символом Мужика! И не случайно одного из мужиков Коробочки зовут «Колесо Иван», а мужика Плюшкина «Григорий Доезжай-не-доедешь!» Куда можно доехать в бесконечности, ведь мужик – бесконечен, Чичиков – конечен.

Однако библейская символика колеса дуалистична: колесо является одновременно inferнальным символом, символом дьявола. Таковыми являются колесницы у фараона, у военачальника войска ханаанского Сисары, завел себе колесницы прообраз антихриста и Иуды Авессалом. Бог запретил заводить колесницы царю Соломону.

Становится колесо и символом Чичикова. Но в отличие от колеса-солнца, колеса-коловрата - символа вечного и вневременного мужика, символом Чичикова становится совсем иное колесо - Колесо Фортуны. И если колесо Бытия крутится равномерно в одну и ту же сторону, то Колесо ветреной языческой Фортуны может крутиться в совершенно разных направлениях. Чичикову ли этого не знать!

Торгуя канцелярскими образами мертвецов и погружаясь в мрачную символику (а символы, как известно, сильнее нас!), делая своим орудием ложь, он входит в прямой контакт с нечистой силой, становясь частью ее – известная тема Д. Мережковского.

Вместе с тем, колесо является одновременно и inferнальным символом - символом рождения, смерти и возрождения. Колесо – это, помимо прочего, одна из ипостасей рода нечистой силы - ведьм и колдунов. *«Ведьма превращается в колесо», говорили в старину, разъяря сказочные символы. Малороссы были уверены, что ведьма преследует человека в Ивановскую ночь в виде катящегося по дороге колеса, и если его проткнуть палкой, то наутро ведьма окажется пробитой колом. И если бы это было не так, они не сжигали бы на Ивана Купалу старые колёса и метлы, лишая ведьм и ведьмаков их привычных средств перемещения во времени и пространстве. И малороссу ли Гоголю было того не знать!*

И вновь вернемся к гоголевским мужикам, теперь уже как символам Бытия.

Оба они - воплощенное Бытие.

«Свете тихий».

Се - Русский космос.

Два созерцателя. Два чувствователя и переживателя жизни.

Спокойствие и умиротворение.

Ан, как бы не так! Черт приехал. Незаметно. Тихо. Вкрадчиво.

Задул ветер. Скоро все начнется. Так же незаметно, тайно покинет Чичиков этот городок, оставив его обитателей в смятении: «Что же это было? Уж не выпущенный ли из плена на пагубу всему роду человеческому антихрист?» «И решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков».

Так начинается Смута.

И уже катится по России дьявольское колесо.

Колесо навстречь криво катится,

Быстрым-быстрое, и внутри пятно.

Стал я спрашивать: - Ты откуда

Оторвалося? Куда держишь путь? –

Но молчит оно, мимо катится,

Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве⁷.
Гоголь отчетливо слышит запах тлена.
«Соотечественники, страшно!» [9;42]

Но будем помнить, что начинается поэма с обсуждения чичиковской брочки, а заканчивается описанием тройки, в которой летит все тот же Чичиков, и раздумьями над «Русью-тройкой», в которой прослеживаются библейские аллюзии. Так что все, по сути, зависит от духовного опыта читателя.

Так первая сцена «Мертвых душ» становится концептуальной точкой, из которой вырастает вселенная гоголевского творения.

Литература

1. Аксаковъ С.Т. История моего знакомства с Гоголемъ. Со включениемъ всей переписки съ 1832 по 1852 годъ. Сочинение С.Т. Аксакова. 1890. М.: Типографія М.Г. Волчанинова, 503 с.
2. Аксаковъ К.С. «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: “Похож-денія Чичикова или Мѣртвыя души”». Москва. Въ типографіи Николая Степанова, Юля 7 дня 1842 года.
3. Анненский И.Ф. Книги отражений. Серия: Литературные памятники. 1979. М.: Наука, 213 с.
4. Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Л. Каменева. 1934. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит-ры, 321 с.
5. Венгеровъ С.А. Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни. 1913. СПб.: Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова, 238 с.
6. Веселовскій А.Н. Этюды и характеристики. 1894. Москва: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К^о.
7. Гиппиус В.В. Гоголь: Воспоминания. Письма. Дневники.... 1999. М.: АГРАФ, 459 с.
8. Гоголь Н.В. Мертвые души / Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 5. 2009. М.: Изд-во Московской Патриархии.
9. Гоголь Н.В. Завещание // Духовная проза. 2014. М.: ОЛМА Медиа Групп, 350 с.
10. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. 1959. М.; Л.: Гос. изд-во художеств. лит., 531 с.
11. Карпова А.А. Переписка Н.В. Гоголя: В 2 т. Т. 2. 1988. М.: Художественная литература, 479 с.
12. Кожин В.В. Победы и беды России. 2002. М.: ЭКСМО-пресс, 512 с.
13. Куркин Б.А. Оперативное дело «Ревизоръ». Опыт криминального расследования. 2011. М.: МГИУ, 64 с.
14. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 1988. М.: Художественная литература, 412 с.
15. Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. 2007. СПб.: Издательство С.-Пб. ун-та, 288 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Манифест Коммунистической партии. 2016. М.: ИТРК, 67 с.
17. Мережковский Д.С. Гоголь и черт: исследование; Итальянские новеллы. 2010. М.: Книжный Клуб Книговек, 218 с.

⁷ Стихотворение Ю. Кузнецова

18. Михайлов А.В. Гоголь в своей литературной эпохе // Гоголь: история и современность (к 175-летию со дня рождения). 1985. М.: «Советская Россия», 318 с.
19. Монахова О.П., Малхазова М.В. Русская литература XIX века. В 3 ч. Часть I. 1995. М.: Марк, 157 с.
20. Мощенская Л.Г. В какой же город NN въехала бричка П.И. Чичикова (О прототипе губернского города в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя)? // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 8: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: А.И. Головня (отв. ред.) [и др.]. 2014. М.: «Белорусский Дом печати», 257 с.
21. Набоков В. Лекции по русской литературе. 2012. С.-П.: Азбука, Азбука-Аттикус, 435 с.
22. Пушкин А.С. Пророк. // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. 1959 - 1962. М.: ГИХЛ
23. Пушкин А.С. Моцарт и Сальери. // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. 1959 - 1962. М.: ГИХЛ.
24. Пушкин А.С. Египетские ночи // Собрание сочинений: в 10 т. Т.5. 1959 - 1962. М.: ГИХЛ
25. Серман И. Тема народности в «Записках из Мертвого дома» [Электронный ресурс]// Dostoevsky Studies. The Department of Slavic Languages and Literatures. University of Toronto. 1982. Vol. 3. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/03/101.shtml> (дата обращения: 25.11.2020)
26. Толстой А.К. Тщетно, художник, ты мнишь...// Русская поэзия XIX века. Том второй. Библиотека всемирной литературы. 1974. М.: Художественная литература, 505 с.
27. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Том 12. Война и мир. 1940. М.: Государственное изд-во «Художественная литература», 966 с.
28. Федоров В.В. Поэтический мир Гоголя // Гоголь: история и современность (к 175-летию со дня рождения). 1985. М.: «Советская Россия», 318 с.

References

1. Aksakov" S.T. Istoriya moego znakovstva s Gogolem". So vklyucheniem" vsei perepiski s" 1832 po 1852 god". Sochinenie S.T. Aksakova. 1890. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova, 503 p.
2. Aksakov" K.S. «Něskol'ko slov" o poemě Gogolya: "Pokhozh-deniya Chichikova ili Mertvyuya dushi" ». Moscow. V" tipografii Nikolaya Stepanova, Iyulya 7 dnya 1842 goda.
3. Annenskii I.F. Knigi otrazhenii. Seriya: Literaturnye pamyatniki. 1979. Moscow: Nauka, 213 p.
4. Belyi A. Masterstvo Gogolya: Issledovanie. Predisl. L. Kameneva. 1934. Moscow; Leningrad: Gos. publ. khudozhestv. lit-ry, 321 p.
5. Vengerov" S.A. Gogol' sovershenno ne znal" real'noi russkoi zhizni. 1913. SaintPeterburg: Kn-vo «Prometei» N. N. Mikhailova, 238 p.
6. Veselovskii A.N. Etyudy i kharakteristiki. 1894. Moscow: Tipo-litogr. T-va I.N. Kushnerev" i K°.
7. Gippius V.V. Gogol': Vospominaniya. Pis'ma. Dnevnik. ... 1999. Moscow: AGRAF, 459 p.
8. Gogol' N.V. Mertvye dushi. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*: v 17 t. T. 5. 2009. Moscow: Publ. Moskovskoi Patriarkhii.
9. Gogol' N.V. Zaveshchanie. *Dukhovnaya proza*. 2014. Moscow: OLMA Media Grupp, 350 p.
10. Gukovskii G.A. Realizm Gogolya. 1959. Moscow; Leningrad: Gos. publ. khudozhestv. lit., 531 p.
11. Karpova A.A. Perepiska N.V. Gogolya: V 2 t. T. 2. 1988. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 479 p.
12. Kozhinov V.V. Pobedy i bedy Rossii. 2002. Moscow: EKSMO-press, 512 p.
13. Kurkin B.A. Operativnoe delo «Revizor"». Opyt kriminal'nogo rassledovaniya. 2011. Moscow:

MGIU, 64 p.

14. Mann Yu.V. Poetika Gogolya. 1988. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 412 p.
15. Mann Yu.V. Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma. 2007. SaintPeterburg: Publ. S.-Pb. un-ta, 288 p.
16. Marks K., Engel's F. Printsipy kommunizma. *Manifest Kommunisticheskoi partii*. 2016. Moscow: ITRK, 67 p.
17. Merezhkovskii D.S. Gogol' i chert: issledovanie; Ital'yanskie novelly. 2010. Moscow: Knizhnyi Klub Knigovek, 218 p.
18. Mikhailov A.V. Gogol' v svoei literaturnoi epokhe. *Gogol': istoriya i sovremennost' (k 175-letiyu so dnya rozhdeniya)*. 1985. Moscow: «Sovetskaya Rossiya», 318 p.
19. Monakhova O.P., Malkhazova M.V. Russkaya literatura XIX veka. V 3 ch. Chast' I. 1995. Moscow: Mark, 157 p.
20. Moshchenskaya L.G. V kakoi zhe gorod NN v"ekhala brichka P.I. Chichikova (O prototipe gubernskogo goroda v «Mertvykh dushakh» N.V. Gogolya)? *Karpovskie nauchnye chteniya: sb. nauch. st. Vyp. 8: v 2 ch. Ch. 2 / redkol.: A.I. Golovnya (otv. red.) [i dr.]*. 2014. Minsk: «Belorusskii Dom pečati», 257 p.
21. Nabokov V. Lektsii po russkoi literature. 2012. SaintPeterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 435 p.
22. Pushkin A.S. Prorok. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 2*. 1959 - 1962. Moscow: GIKhL
23. Pushkin A.S. Motsart i Sal'eri. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 4*. 1959 - 1962. Moscow: GIKhL.
24. Pushkin A.S. Egipetskie nochi. *Sobranie sochinenii: v 10 t. T.5*. 1959 - 1962. Moscow: GIKhL
25. Serman I. Tema narodnosti v «Zapiskakh iz Mertvogo doma». *Dostoevsky Studies. The Department of Slavic Languages and Literatures. University of Toronto*, 1982. Vol. 3. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/03/101.shtml> (Accessed 25.11.2020)
26. Tolstoi A.K. Tshchetno, khudozhnik, ty mnish'... *Russkaya poeziya XIX veka*. T. 2. Biblioteka vseмирnoi literatury. 1974. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 505 p.
27. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii v 90 tomakh. Tom 12. Voina i mir. 1940. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo «Khudozhestvennaya literatura», 966 p.
28. Fedorov V.V. Poeticheskii mir Gogolya. *Gogol': istoriya i sovremennost' (k 175-letiyu so dnya rozhdeniya)*. 1985. Moscow: «Sovetskaya Rossiya», 318 p.

Информация об авторах

Куркин Борис Александрович, доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8670-2967> , e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru

Мурашкина Ольга Викторовна, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Information about the authors

Boris A. Kurkin, Doctor of Law, Professor, Associate Professor Department of Constitutional and Administrative law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8670-2967> , e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru

Куркин Б.А., Мурашкина О.В.
Хронотоп первой сцены «Мертвых душ» Н.В. Гоголя
Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 16–29.

Kurkin B.A., Murashkina O.V.
Chronotope of the First Scene of "Mertvykh dush" N.V.
Gogol
Language and Text. 2020. Vol. 7, no. 4, pp. 16–29.

Olga V. Murashkina, Associate Professor at the Department of Language Training of Public Administration Personnel, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Получена 01.12.2020

Принята в печать 15.12.2020

Получена ~~01.12.2020~~ 01.12.2020

Принята в печать ~~15.12.2020~~ 15.12.2020

Received 01.12

Accepted 15.12